

**МОНУМЕНТАЛЬНАЯ КОММЕМОРАЦИЯ И РОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: МОЖЕТ ЛИ НЕПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЙ
БЫТЬ РАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИЕЙ?**

**Сергей Петрович Поцелуев¹, Алан Александрович Гаас²,
Александр Дмитриевич Яковлев³**

^{1, 2, 3}Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹spotselu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8562-6541>

²alan-haas@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0265-9389>

³Sasha.petrov.1911@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2374-7049>

Аннотация. Статья посвящена феномену «войны памятников» на Северном Кавказе в контексте российского нациестроительства. Авторы анализируют историческую динамику коммеморации на Северном Кавказе в зависимости от ее исторических этапов и политических акторов. Далее, в статье рассматриваются причины актуальной войны памятников на Северном Кавказе и формулируется ее суть. При этом ставится вопрос об оценке позиции властей относительно данной «войны» в терминах политики «непринятия решений» (согласно П. Бахраху и М. С. Барацу). В заключение авторы интерпретируют мемориальные конфликты на Северном Кавказе как запрос на современный (в духе Э. Ренана) концепт российской нации.

Ключевые слова: Северный Кавказ, коммеморация, мемориальные конфликты, Кавказская война, непринятие решений, мобилизация предвзятости, российская нация

Для цитирования: Поцелуев С. П., Гаас А. А., Яковлев А. Д. Монументальная коммеморация и российская идентичность на Северном Кавказе: может ли непринятие решений быть рациональной политической стратегией? // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 197–204. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-197-204>

Politology and Ethnopolitics

Original article

**MONUMENTAL COMMEMORATION AND RUSSIAN IDENTITY IN THE NORTH CAUCASUS:
CAN NON-ACCEPTANCE OF DECISIONS BE A RATIONAL POLITICAL STRATEGY?**

Sergey P. Potseluev¹, Alan A. Gaas², Alexander D. Yakovlev³

^{1, 2, 3}Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹spotselu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8562-6541>

²alan-haas@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0265-9389>

³Sasha.petrov.1911@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2374-7049>

Abstract. The article is devoted to the phenomenon of the "monument war" in the North Caucasus in the context of Russian nation-building. The authors analyze the historical dynamics of the commemoration in the North Caucasus, depending on its historical stages and political actors. Further, the article examines the causes of the actual 'war of monuments' in the North Caucasus and formulates its essence. At the same time, the question is raised about the assessment of the position of the authorities regarding this "war" in terms of the policy of "non-decision-making" (according to P. Bachrach and M. S. Baratz). In conclusion, the authors interpret the memorial conflicts in the North Caucasus as a request for a modern (in the spirit of E. Renan) concept of the Russian nation.

Keywords: North Caucasus, commemoration, memorial conflicts, Caucasian war, non-acceptance of decisions, mobilization of bias, Russian nation

For citation: Potseluev S. P., Gaas A. A., Yakovlev A. D. Monumental commemoration and Russian identity in the North Caucasus: can non-acceptance of decisions be a rational political strategy? *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2023;(1):197–204. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-197-204>

Северный Кавказ – уникальный в некотором смысле регион Российской Федерации, в котором проживают десятки различных народностей. И, безусловно, между этими этническими группами время от времени происходят конфликты разной степени напряженности. Установка тех или иных памятных знаков зачастую вызывает споры в обществе, и одни из таких споров возникают по поводу установки или демонтажа памятников и монументов, посвященных различным историческим событиям прошлого. Это, прежде всего, касается Кавказской войны (1763–1864) и Гражданской войны (1917–1922), а также личностей, знаковых для этих событий. Мемориальные конфликты часто обозначаются в научной литературе термином «войны памяти». Под ним подразумеваются споры и дискуссии в научном и в медиапространстве относительно трактовок событий прошлого, установки или демонтажа определённых монументов, а также кампании, направленные на продвижение заинтересованными сторонами их позиций и обеспечение соответствующих властных решений.

«Войны памяти» – это не отвлеченные споры историков или простых обывателей; это – текущая политика, поскольку «обсуждение прошлого служит символическим языком, с помощью которого люди иной раз предпочитают говорить о проблемах, затрагивающих болезненные сферы жизни общества» [1, с. 216]. И в устах даже честных (в научном плане) историков тезис о «войнах памяти» на постсоветском пространстве вообще и в постсоветской России, в частности, может сопровождаться отнюдь не только позитивной, но нейтральной или даже негативной оценкой перспектив укрепления российской национальной идентичности. Поэтому данный тезис нуждается в рефлексии политолога. Целью данной статьи является политологическая оценка исторической динамики и актуального состояния «войны памятников» на Северном Кавказе, а также вытекающая отсюда формулировка вопроса о возможности анализа мемориальных конфликтов на Северном Кавказе в терминах политической стратегии «непринятия решений».

Историческая динамика коммеморации на Северном Кавказе. Одним из важнейших механизмов формирования исторической памяти выступает коммеморация. Под ней подразумевается целенаправленная актуализация истории, то есть сохранение в общественном сознании памяти о значимых событиях прошлого различными символическими средствами (наименования улиц и площадей, монументы, литературные произведения, живопись и пр.) [2, с. 15].

Мемориальные объекты, сооруженные в контексте Кавказской войны, можно разделить на две большие группы. К первой группе относятся памятники, установленные по инициативе русских и казаков. Они представляют собой бюсты и статуи русским генералам, казачьим атаманам, героям времен Кавказской войны, памятные монументы в честь фортов и укреплений¹. Вторая группа – это памятники, возведенные адыгскими и черкесскими общинами в честь своих предков, погибших во время Кавказской войны, а также памятники выдающимся деятелям, сражавшимся

¹ Перечислим некоторые памятники, относящиеся к первой группе: крест в честь битвы у Ольгинского кордона, установленный в 1869 (казачий отряд Льва Тиховского защитил ценой своих жизней две станицы от набега закубанских черкесов), памятник казакам, защитившим Липкинский мост и преградившим нутхайцам путь на станицу (установлен в 1898, а в 1959 перенесён), памятники Архипу Осипову 1876 и 1881 гг. (взорвал пороховой погреб, тем самым уничтожив большое количество напавших горцев), монумент казакам Лабинского полка в городе Лабинске (1912, после разобран при советской власти и восстановлен в 1993), крест в честь форта Святого Николая (1999), монумент в честь Андрея Гречишкина (станция Тбилисская, 2014), памятник в честь солдат, казаков и офицеров – основателей крепости Майкоп (2012), памятник участникам Кавказской войны в городе Абинск (2004), бюст генерала Г. Х. Засса в Армавире (2003), бюст адмирала М.П. Лазарева в Лазаревском (1954 год), памятник наместнику Михаилу Романову (2010, Михайло-Архангельская пустынь), памятник Александру II (1881 на Мамрюк-Огой, станица Новосвободная и 2015 в Сочи), бюст генералу И.В. Гудовичу (Анапа, 2011), памятник крепости Святого Духа в Адлере (установлен и демонтирован в 2020 г.).

против российских войск (к примеру, Иمامу Шамилю), памятные монументы в честь различных сражений¹.

Отметим один факт, касательно первой группы памятников – часть из них была возведена в дореволюционное время. Так, в 1888 г. в Грозном был установлен бюст генералу Алексею Ермолову. После Октябрьской революции некоторые из этих памятников были квалифицированы как «самодержавные» и демонтированы, либо перенесены на новые места (из-за строительства Краснодарского водохранилища). В 1920-1930-х гг. Кавказская война рассматривалась как сопротивление российскому колониализму, однако уже в 1940-1950-х гг. имам Шамиль воспринимался как агент влияния Британской империи [3, с. 111-112].

Еще одной проблемной точкой исторической памяти на Северном Кавказе стали события Гражданской войны. Как отмечает исследователь А. Н. Еремеева, мемориализация Белого движения началась уже в ходе Гражданской войны. Так, осенью 1918 г. было принято решение увековечить память погибшего генерала Льва Корнилова, на месте его гибели проводились памятные мероприятия. Имелись также планы по сооружению часовни на военном кладбище Екатеринодара в память о погибших солдатах и офицерах Добровольческой армии [4, с. 173]. Но после установления советской власти на Кубани и Северном Кавказе началась мемориализация участников Гражданской войны уже со стороны коммунистов. В 1923 году появились соответствующие монументы в Темрюке, Новороссийске, Геленджике и Славянске-на-Кубани. К примеру, в 1951 г. на Кубани был открыт памятник Ивану Кочубею [5, с. 111].

В современной России памятники, посвященные событиям Кавказской войны, стали массово появляться после распада СССР. Советская власть и наука мало интересовались тематикой Кавказской войны, рассматривая её зачастую лишь в контексте доброго сотрудничества между русскими и горцами или освобождению русскими горцев от османского владычества. Но уже в конце 1980 – начале 1990-х годов начинается возведение мемориалов противникам Российской империи. Так, в 1989 г. одним из жителей аула Али-Бердуковский в Хабезском районе Карачаево-Черкесии был сооружен памятник в честь черкесов, воевавших против России во время Кавказской войны. Примечательно, что в надписи на этом памятнике Кавказская война была названа «Русско-Кавказской войной 1764-1864 гг.»².

В 1990-е годы отношение российских властей к событиям Кавказской войны приобретает идеологически более продуманный (по сравнению с эпохой перестройки) характер. В своем обращении 1994 г. тогдашний президент РФ Б. Н. Ельцин отмечал, что не только Россия, но также Великобритания, Франция, Иран и Турция несут ответственность за судьбу народов Кавказа. Проблемы, созданные Кавказской войной, в частности репатриация кавказских переселенцев, должны решаться дипломатическим путём, а память об этой войне должна стать предостережением от трагедий в дальнейшем³. Государственный идеологический посыл чувствовался и в начавшейся после распада СССР мемориализации Белого движения. Яркий тому пример – открытый в Краснодаре в 1998 г. памятник «Примирение и согласие». Он изображал расположенные рядом буденовку и папаху, что символизировало примирение идеологических фронтов Гражданской войны [5, с. 113]. Впрочем, не все политические силы постсоветской России были готовы включиться в этот примирительный процесс. Когда в 2013 г. по инициативе кубанских казаков в Краснодаре был открыт памятник белому генералу Лавру Корнилову в качестве «еще одного шага к единству и миру

¹ Укажем на некоторые известные памятники из этой группы: памятник «Защитникам Черкессии» в ауле Понежукай (2010), памятник жертвам Кавказской войны в Нальчике (2004), памятник защитникам Черкессии в ауле Али-Бердуковский (1989 и 2009), памятник павшим в Кавказской войне адыгам в поселке Большой Кичмай (2008), беседка Шамиля в Верхнем Гунибе (1893, разрушена в 1995 и восстановлена в 2000), монумент Тугужоко Кызбечу в ауле Афиписп в Адыгее (2018), памятник жертвам Кавказской войны в Черкесске (2017), монумент Памяти и Единения «Очаг» в честь жертв Кавказской войны в Майкопе (2010). Отдельно стоит выделить памятник османским солдатам в Дагестане, установленный в 2018 году. Стоит сказать, что многие памятники были возведены по частной инициативе и на личные финансовые средства граждан.

² Памятник черкесам, погибшим во время Русско-Кавказской войны – Карачаево-Черкесия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruskompas.ru/news/2014/02/pamytnikch.shtml> (Дата обращения: 12.01.2023).

³ Обращение президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина к народам Кавказа. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/1978317> (Дата обращения 17.01.2023).

в России»¹, это вызвало резкое неприятие со стороны российских неокommunistов. В заявлении краснодарского горкома КПРФ по поводу установки памятника деятель Белого движения был назван «предателем России» и «ставленником российской буржуазии»².

Известным препятствием на пути символического (на уровне монументов) примирения противников прошлых войн в России, как и во многих других странах мира, выступает тенденция к фаворизации некогда «проигравших». В интересах же строительства нации более продуктивной представляется стратегия толкования прошлых войн как общей национальной трагедии и общей утраты. В пользу этого высказывается авторитетный немецкий историк А. Ассман, которая вслед за Э. Ренаном подчеркивает особую роль поражений и утрат в национальной исторической памяти [6, с. 66]. Поражения укрепляют сплочённость нации – ведь национальная идентичность во многом основана на жертвенности.

Причины и факторы актуальной «войны памятников» на Северном Кавказе. Но в чем, помимо незакрытых идеологических рвов из прошлого (как в случае с упомянутым памятником генералу Корнилову), заключаются причины войны памятников на Северном Кавказе? Перед тем, как ответить на этот вопрос, заметим, что не каждый памятник, установленный по тематике Кавказской войны, – причем не играет роли, кто его установил: черкесы или русские, сторонники «белых» или «красных», – может вызывать бурю негодования в медийном пространстве, заставляя активизироваться различных этнических националистов, осуществлять давление на органы власти посредством открытых писем, обращений, пикетов и т. п. К примеру, монументы, посвященные погибшим в Кавказской войне солдатам и мирным жителям с русской и черкесской стороны, умершим при переселении и депортации адыгам, или погибшим в войне казакам-защитникам станиц, практически не вызывают недовольства у представителей русского или черкесского этноса, как не вызывает негатива со стороны «белых» или «красных» памятник «Примирение и согласие» в Краснодаре.

Однако есть мемориальные объекты, связанные с персоналиями, которые вызывают возмущение со стороны определённой этнической группы. Те же бюсты Лазарева, Засса, проект памятника Евдокимову вызывают сильное недовольство черкесской интеллигенции. В свою очередь, представители русской общественности тоже реагируют негативно на сообщения о сносе монумента казакам или бюста русского генерала. И причины таких реакций кроются не столько в прошлых идеологических баталиях, сколько в актуальной политике. Собственно говоря, суть современных «войн памятников» на Северном Кавказе заключается, прежде всего, в разнотипной политике памяти, которую транслируют разные политические акторы и в разных концептах российской истории. Следствием этого оказываются противостояния, ведущиеся в публичном (в том числе онлайн) пространстве по поводу установки и сноса памятников, причем с привлечением местной администрации, институтов гражданского общества и этно-религиозных групп, отстаивающих свои специфические интересы. Но несмотря на кажущуюся масштабность подобных противостояний, все они сводятся к редким и малочисленным пикетам около памятников, или попыткам добиться своего через административные механизмы. Поэтому в самом выражении «война памятников» есть момент фальшивой драматизации, искусственно раздуваемого ажиотажа, призванного символически повысить ставки участников политической игры.

В качестве примера приведем случай, произошедший в Адлере в 2020 году. Российское военно-историческое общество и Свято-Троицкая церковь, при поддержке местной администрации, установили монумент в честь крепости Святого Духа, основанной русскими солдатами в период Кавказской войны³. Об установке памятника был выпущен репортаж на федеральном телеканале «Россия 24». Но памятник простоял всего девять дней до 9 июля 2020 г., когда его убрали после

¹ В Краснодаре открылся памятник Белому генералу Лавру Корнилову. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2013/04/13/reg-ufu/general.html> (Дата обращения 05.01.2023).

² Заявление краснодарского городского комитета КПРФ по поводу установления памятника генералу Корнилову в Краснодаре. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://kprf.ru/party-live/regnews/117544.html> (Дата обращения 06.01.2023)

³ В Сочи на месте крепости Святого Духа установили памятник подвигу русских солдат. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://kuban24.tv/item/v-sochi-na-meste-kreposti-svyatogo-duha-ustanovili-pamyatnik-podvigu-russkih-soldat> (дата обращения: 15.01.2023)

коллективной петиции черкесов и сочувствующих им граждан. Подписавших петицию было всего 55 человек, среди них имелись представители черкесской диаспоры за рубежом, а также не черкесы по национальности¹. Снос этого памятника вызвал волну негодования, которую подхватили различные медиа и политические группы, в том числе правоконсервативной направленности. Апогеем стала публикация петиции сначала на сайте change.org, а затем на сайте российской общественной инициативы roi.ru², призывавшая местные власти к восстановлению памятника на прежнем месте (что также вызвало недовольство части черкесских активистов). Но несмотря на достаточно жаркие медийные баталии и дискуссии, которые могли создать впечатление всеобщего русского или черкесского недовольства, всё закончилось уже спустя год. Петиция не набрала нужного количества голосов (25 000 при 100 000 необходимых), а инициативная группа, созданная для реализации проекта возвращения памятника, не добилась сколь-нибудь значимых результатов. Вся их деятельность свелась к распространению информации в сети по поводу сноса памятника, расклейке агитационных листов с материалами по инциденту, одиночным пикетам и забрасыванию обращений к органам местной администрации и депутатам Государственной Думы РФ. В итоге, на 2021 год кажущимся «победителем» в этом локальном эпизоде «войны памятников» можно было признать черкесских активистов и тех, кто их поддерживал.

В данном противостоянии власть, конкретно Государственная Дума, не обратила внимание на факт демонтажа памятника, и на ее официальном уровне ни осуждения, ни одобрения, ни комментария по этому поводу высказано не было. Другими словами, власть не осудила, но и не поддержала демонтаж памятника. Такую позицию власти можно объяснить тем, что на государственном уровне еще не выработано позиции по данному вопросу, вследствие чего лучше вообще не акцентировать внимание на конфликтогенной теме, как бы не замечать ее в медиапространстве, чтобы лишний раз не провоцировать рост популярности идей черкесского национализма. Но критикам официальной политики такого рода случаи дают повод упрекнуть власти в непоследовательности по вопросу установки памятников, посвященных событиям периода Кавказской войны, да и не только.

Мемориальная политика как стратегия «непринятия решений». Однако можно ли сказать, что власть в упомянутом выше случае своей «нейтральной» позицией способствовала победе одной из сторон конфликта? – Однозначный ответ здесь отнюдь не очевиден. И прежде всего потому, что в «споре» памятников на Северном Кавказе власть допускает кажущуюся «победу» не только черкесской стороны; в качестве примера символической «победы» национально настроенных русских активистов можно привести демонтаж и последующее возвращение памятника М. П. Лазареву в микрорайоне Лазаревском (г. Сочи). Причем эта скульптура представляет собой достаточно редкий случай, когда царскому генералу, участвовавшему в Кавказской войне, поставили монумент в 1954 г., еще при советской власти. Несмотря на протесты черкесских активистов и демонтаж памятника, спустя несколько лет его все же вернули на прежнее место.

Упомянутое воздержание властей от обсуждения эпизодов «войны памятников» можно трактовать с позиции политики, которую социологи П. Бахрах и М. Барац выражали понятием «непринятия решений» (non decision-making). Под ним американские ученые подразумевали «практику ограничения сферы фактического принятия решений "безопасными" вопросами путем манипулирования доминирующими ценностями сообщества, мифами, политическими институтами и процедурами» [7, р. 632]. Важно, что такую практику Бахрах и Барац называют именно политикой (а не отказом от нее), считая ошибочным мнение, будто власть и ее корреляты активируются и могут наблюдаться только в ситуациях принятия решений.

¹ «...Требуем от местных властей Юга России незамедлительно приступить к демонтажу памятников, искажающих историческую действительность и сеющих межнациональную рознь». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://zappravakbr.com/index.php/30-uncategorised/1496-trebuem-ot-mestnykh-vlastej-yuga-rossii-nezamedlitel-no-pristupit-k-demontazhu-pamyatnikov-iskazhayushchikh-istoricheskuyu-dejstvitel-nost-i-seyushchikh-mezhnatsional-nuyu-rozn> (Дата обращения: 23.01.2023)

² Восстановить снесённый памятник русским солдатам в Адлере. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.roi.ru/70759/> (Дата обращения: 24.10.2023)

Непринятие решения – это не всегда нерешительность как промедление с действием (пускать дело на самотек) или решение не принимать решения из каких-то принципиальных соображений. В случае «войны памятников» так иногда и трактуют позицию российских властей, местных и/или федеральных: как дефицит воли к принятию решения (нерешительность) либо как сознательную позицию «нейтралитета» (и уже эту позицию критикуют как ложную). Но стратегия «непринятия решения» заключается совсем в другом, она сродни стратегии «недеяния» в древней даосской традиции: это стремление использовать ресурсы ситуации вокруг объекта управления в качестве средства предотвращения проблем, которые могут в будущем потребовать силового вмешательства.

Ситуация, в которой непринятие решения оказывается разумной политической стратегией, имеет место, «когда доминирующие ценности, принятые правила игры, существующие властные отношения между группами и инструменты силы, по отдельности или в сочетании, эффективно предотвращают перерастание определенных претензий в полноценные проблемы, требующие решений» [7, р. 641]. Принятие же властью конкретного решения в данной ситуации, в особенности, в форме силового принуждения либо пропагандистской манипуляции, может оказаться политически нерациональным. Для власти нетрудно снести какой-то памятник или морально дискредитировать его авторов в СМИ, но тут обнаруживается, что применение силы может приводить к потере власти, потому что «применение санкций часто вызывает радикальную перестройку ценностей внутри принуждаемого лица (а также у тех лиц, которые тесно идентифицируют себя с ним), тем самым подрывая ранее существовавшие властные отношения» [7, р. 636].

Одним из ключевых моментов в предлагаемом Бахрахом и Барацем понятии «nondecision-making», выступает понятие «мобилизации предвзятости» (the mobilization of bias), введенное в оборот Э. Шаттшнайдером. Под ним американский политолог подразумевал свойство всех форм политической организации обнаруживать «уклон в пользу эксплуатации одних видов конфликтов и подавления других» [8, р. 71]. Так, организация мобилизует предвзятое отношение к «войнам памяти», исключая их из актуальной повестки дня. В нашем случае – ситуация с установкой или демонтажом памятников. Сама проблема мемориальной политики от этого не исчезает, но мобилизация склонности не рассматривать эту проблему как значимую снижает риск эскалации данной проблемы. По крайней мере, до поры до времени, но за это время общая политическая ситуация в стране и мире может измениться, и необязательно в сторону обострения вопросов мемориальной политики в северокавказском регионе.

Хотя понятие «nondecision-making» получило за прошедшие полвека заметное развитие в западной политической науке, в отечественной политологии, насколько нам известно, оно еще не применялось к обсуждению проблем мемориальной политики. Здесь открывается интересная перспектива не только полевых, но прежде всего теоретических исследований. В частности, можно перевести в методологический аппарат научного анализа политики памяти важные концептуальные дистинкции, обсуждаемые в упомянутой статье Бахраха и Бараца. Речь идет о различии между понятием власти (power) и смежными концептами (феноменами): авторитетом (authority), влиянием (influence), манипуляцией (manipulation) и насилием (force). Особенно в такой тонкой материи, как историческая память, важно не забывать, что обладание инструментами власти еще не равносильно обладанию самой властью. Последняя реализуется только как отношение властвующих и подвластных, а потому ею нельзя владеть наподобие вещи. Как следствие, в идеологической сфере, как в никакой другой, далеко не все то, что кажется властью, является таковой на самом деле.

Заключение. Эпизоды «войны памятников» меньше всего должны склонять к выводу, что лучше вообще отказаться от памятников, посвященных прошлым войнам. Напротив, такие памятники нужны, но они должны объединять, а не дробить нации. В этой связи имеет смысл, по нашему мнению, спроектировать и установить памятник всем погибшим в Кавказской войне русским и адыгам, или солдатам и мирным людям, или памятник куначеству между адыгами и казаками. Такие монументы способствовали бы укреплению единства и мира на Северном Кавказе. На данный момент существует единственный памятник, который, хотя и не посвящен тематике Кавказской войны, но отвечает нашей идее, а именно, памятник Героям Первой Мировой войны – «Славным сынам Отечества казакам и горцам — героям Первой мировой войны», установленный в 2016 г.

в Краснодаре. Заметим, что этот монумент появился преимущественно благодаря личной инициативе скульпторов, народным пожертвованиям и скромной поддержке со стороны местной администрации.

Трезвомыслящие политики и профессиональные политологи (с которыми не следует путать политически «увлеченных» историков, этнографов, лингвистов и т. д.) следуют одному мудрому совету Э. Ренана. Последний, хотя и был историком, сформулировал в своей концепции нации исключительно политический (и как бы «антиисторический») тезис: «Забвение или, лучше сказать, историческое заблуждение является одним из главных факторов создания нации, и потому прогресс исторических исследований часто представляет опасность для национальности» [9, с. 93]. Французский ученый справедливо подчеркивает, что актуальное единство государств исторически зачастую создавалось насильственно, и любой историк может вытащить из прошлого множество реальных фактов такого насилия, а этнограф – бесчисленное множество культурных различий и конфликтов между этническими группами в составе данной нации. Но национальный патриотизм не может зависеть от очередной «более или менее парадоксальной диссертации», а границы государства – от «колебаний науки» [9, с. 98]. Нация есть прежде всего политический проект, предполагающий, что составляющие ее индивидуумы хотят совместно строить свое будущее. А для этого они должны быть способны многое позабыть из того, что их разделяло в историческом прошлом. Из вышесказанного вытекает необходимость разработки современного концепта российской нации как базового элемента отечественной национальной политики. Критика данного концепта как «неоимперского» не только не уместна в научном и политическом плане; она скрывает этнонационалистические тенденции, реально угрожающие территориальной целостности РФ. В этом политическом контексте и следует оценивать как реальные «войны памяти» на Северном Кавказе, так и стратегию «непринятия решений» со стороны российских властей в сфере мемориальной политики.

Список источников

1. Шнирельман, В. А. Неудобная память // Новое прошлое / The New Past. 2018. № 3. С. 216-221.
2. Кудяева С. Г. Монументальная политика как фактор формирования политики исторической памяти и поддержания этнической самоидентификации (на примере северокавказских народов) // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2021. Том 13. № 1. С. 13-20.
3. Урушадзе А. Т. Помнить-нельзя-забыть: Кавказская война в исторической памяти адыгов и российском пространстве коммеморации // Политическая наука. 2018. № 3. С. 106-128.
4. Еремеева А. Н. Практики мемориализации антисоветского движения на Юге России в годы Гражданской войны // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26. № 2. С. 171-183.
5. Гаевская И. И. Памятники гражданской войны на территории Краснодарского края // Электронный сетевой политематический журнал "Научные труды КубГТУ". 2019. № 3. С. 109-116.
6. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Бориса Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 325 с.
7. Bachrach P., Baratz M. S. Decisions and Nondecisions: An Analytical Framework // The American Political Science Review. 1963. Vol. 57. No. 3. P. 632-642.
8. Schattschneider E. E. The Semi- sovereign People: A Realist's View of Democracy in America. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1960. 147 p.
9. Ренан Э. Что такое нация? // Ренан Э. Собрание сочинений в 12-ти т. Пер. с французского под редакцией В. Н. Михайловского. Т. 6. Киев, 1902. С. 87-101.

References

1. Shnirelman V. A. Inconvenient memory. *The New Past*. 2018; 3: 216-221.
2. Kudayeva S. G. Monumental politics as a factor in shaping the policy of historical memory and maintaining ethnic identity (on the example of the North Caucasian peoples). *Vestnik Maikopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta = Bulletin of the Maikop State Technological University*. 2021;13 (1):13-20. (In Russ.)

3. Urushadze A. T. To remember-it-is-impossible-to forget: The Caucasian war in the historical memory of the Adygs and the Russian space of commemoration. *Politicheskaya nauka = Political Science*. 2018;(3):106–128 (In Russ.)
4. Ereemeeva A. N. The practice of memorialization of the anti-Soviet movement in the South of Russia during the Civil War. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya = Bulletin of the Volgograd State University. Series 4, History. Regional studies. International relations*. 2021;26(2):171-183. (In Russ.)
5. Gaevskaya I. I. Monuments of the Civil War on the territory of the Krasnodar Territory. *Elektronnyi setevoi politematicheskii zhurnal "Nauchnye trudy KubGTU" = Scientific works of KubSTU*. 2019;(3):109–116. (In Russ.)
6. Assman A. *The Long Shadow of the Past: Memorial culture and historical politics*. Transl. from German. Boris Khlebnikov. Moscow: New Literary Review, 2014. 325 p. (In Russ.)
7. Bachrach P., Baratz M. S. Decisions and Nondecisions: An Analytical Framework. *The American Political Science Review*. 1963; 57 (3): 632-642.
8. Schattschneider E. E. *The Semi- sovereign People: A Realist's View of Democracy in America*. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1960. 147 p.
9. Renan E. What is a nation? *Renan E. Collected works in 12 vol.* Translated from the French, ed. by V.N. Mikhailovsky. Vol. 6. Kiev, 1902: 87-101. (In Russ.)

Информация об авторах

С. П. Поцелуев – доктор политических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии ЮФУ.

А. А. Гаас – магистрант ЮФУ.

А. Д. Яковлев – магистрант ЮФУ.

Information about the authors

S. P. Potseluev – Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Theoretical and Applied Political Science of Southern Federal University.

A. A. Gaas – Master's Student of Southern Federal University.

A. D. Yakovlev – Master's Student of Southern Federal University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts.

Статья поступила в редакцию 14.02.2023; одобрена после рецензирования 28.02.2023; принята к публикации 01.03.2023.

The article was submitted 14.02.2023; approved after reviewing 28.02.2023; accepted for publication 01.03.2023.